

Пинковский В. И. «Наполеоновская тема» во французской поэзии 10—40 годов XIX века: установки, жанры, мотивы / В. И. Пинковский // Научный диалог. — 2018. — № 10. — С. 198—210. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-10-198-210.

Pinkovsky, V. I. (2018). "Napoleon Theme" in French Poetry of 1810—1840-ies: Attitudes, Genres, Motives. *Nauchnyy dialog*, 10: 198-210. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-10-198-210. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 821.133.1+82-142+82-143

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-10-198-210

«Наполеоновская тема» во французской поэзии 10—40 годов XIX века: установки, жанры, мотивы

© Пинковский Виталий Иванович (2018), orcid.org/0000-0002-8699-3570, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Северо-Восточный государственный университет (Магадан, Россия), alennart@mail.ru.

Рассматриваются посвященные Наполеону I, а также затрагивающие его личность произведения французской поэзии, созданные в эпоху Реставрации и последующие десятилетия (до середины XIX века). Наряду с анализом образа императора особенное внимание уделяется поэтике текстов «наполеоновской темы», чего в границах заявленной темы ещё не делалось. Автор статьи преследует две цели: во-первых, наблюдает и описывает, как французская поэзия справилась с задачей свободного осмысления личности Наполеона I (в имперскую эпоху существовала идеологическая заданность в изображении императора), во-вторых, показывает, что поэтологические параметры, независимо от авторских устремлений, оказывают частичное влияние на сложившиеся в национальном сознании представления о правителе Первой империи. Отмечается, что попытка наиболее взвешенной (неоднозначной) оценки деятельности Наполеона осуществлялась в границах элегико-одического дискурса, причем первый из этих элементов был представлен в основном унылой элегией, а в одической части предпочтение отдавалось такому жанру, как философская ода. Представлены наиболее репрезентативные тексты темы, принадлежащие как наиболее крупным поэтам эпохи (Казимир Делавинь, Альфонс де Ламартин, Виктор Гюго), так и малоизвестным стихотворцам, в том числе анонимным.

Ключевые слова: французская поэзия 1810—1840-х годов; поэтические жанры «наполеоновской темы»; хвалебная ода; философская ода; унылая элегия; филиппика.

1. Введение

Ещё полвека назад М. Декот писал, что библиография работ о Наполеоне настолько избыточна, что следует проявлять особую шепетильность, добавляя к этому и без того «гигантскому монументу» свой «камень» [Descotes, 1967, p. 6]. Действительно, кроме монографии самого Декота к теме «Наполеон в литературе» обращены исследования как более ранние [Dechamps, 1931], так и сравнительно недавние [Facon et al., 2005]. К ним следует добавить издания, которые представляют довольно полный и снабженный научным комментарием спектр писательских высказываний о первом французском императоре [Chassé, 1921; Napoléon dans la littérature, 2004].

Настоящая статья отличается от других исследований тем, что акцент в ней перенесен с личности Наполеона на различные качества посвященных ему стихотворных текстов, то есть на их поэтику. Ограничение рассматриваемого материала только поэтическими произведениями объясняется тем, что, во-первых, именно в поэзии в основном и создавался образ императора в первой половине XIX века: Р. де Шатобриан, перечисляя источники так называемой наполеоновской легенды (*la légende napoléonienne*), на первое место ставит «поэтические выдумки» («des lubies du poète») [Chateaubriand, 1975, t. IV, p. 37].

Во-вторых, на эпоху Первой империи выпадает завершение самого неудачного периода в истории французской поэзии [Lagarde et al., 1970, t. 2. p. 473], который отличался в том числе шаблонностью в создании образа Бонапарта, закрепившегося в коллективном сознании. Однообразное восхваление императора сменилось после падения Наполеона проявлением более сложного отношения к нему. В литературу вернулся тип поэта-гражданина, который, по определению М. А. Жюльена, «становится, даже не сознавая этого, воплощением чувств искренних и просвещенных друзей отчизны» [Jullien, 1822, pp. 3—4]. Таким образом, французским поэтам предоставилась возможность проявить личное, а не навязанное отношение к событиям в стране и к ее свергнутому правителю и тем самым выразить мнение народа. Выполнение этой задачи стало для французской поэзии своеобразным экзаменом, ведь штампов личностно окрашенного изображения персонажей и явлений не существует, но есть индивидуальные идейные установки, диктующие выбор жанра и предполагающие использование определенных средств поэтики, что в совокупности и создает образ центрального героя. Именно градация таких установок положена в основу композиции настоящей работы. В общей сложности материалом для наблюдения послужили несколько десятков

произведений на избранную тему, из которых непосредственно для анализа выбраны наиболее репрезентативные. Таким подходом объясняется присутствие в работе не только крупных поэтических имен, но и совсем незначительных, даже анонимных. Все тексты цитируются в нашем переводе.

2. Произведения с негативным образом Наполеона I

Чтобы понять, как изменилось изображение Наполеона в постимперские времена, необходимо очертить клишированный образ императора, сложившийся в эпоху его правления. Для этого достаточно взять произведение, в котором «наполеоновский канон» присутствует практически полностью [Frassinetti, 1806, pp. 3—7] и включает в себя следующие характеристики героя: 1. Наполеон — опора Франции. 2. Наполеон великий полководец, вдохновляющий солдат. 3. Перед императором Франции трепещут другие монархи и их народы, включая русских, которые «продались за английское золото» и в наказание за это отброшены в свои «печальные пределы» (*tristes climats*). 4. Наполеон сравнивается с Александром Македонским, Юлием Цезарем, Помпеем, Тюренном, Карлом XII, Фридрихом Великим. 5. Наполеон — великий «законодатель новой Спарты» (*législateur de la nouvelle Sparte*).

Отступления от этого «стандарта» незначительны (например, некоторые поэты могут сравнивать Наполеона с Карлом Великим [Arlincourt, 1810, p. 7], другие — акцентировать в поступках императора не только полководческие, но и цивилизаторские черты [Baudouin, 1804, p. 11]), но установка на неизменное восхваление сохраняется. Среди жанров, в которых воплощается «наполеоновская» тема, преобладают торжественная ода, героическая поэма и надпись (чаще всего — стихи к портрету, скульптуре).

Логично, что в начальный период Реставрации заметнее всего стала противоположная тенденция, то есть возникновение большого количества стихов, направленных против свергнутой власти и персонально Наполеона. Многие из этих произведений изданы анонимно (привычка бояться открытых высказываний еще очень сильна) и в аспекте поэтических новшеств неинтересны. Ограничимся для примера «Филиппиками в адрес Наполеона», принадлежащими неизвестному автору и опубликованными в апреле 1815 года (то есть во время «100 дней» возвращения Бонапарта к власти). Задача филиппики как жанра — развенчание адресата, и, надо признать, автор последовательно выполняет жанровый «план», перебирая все возможности дискредитации императора, в вину которому ставится

удушение свободы, ведение войн, нефранцузское происхождение («il ne fut jamais Français»), расстановка на властные места родственников, неродовитость. Достижения правителя во внутренней политике не называются, но подаются как еще одно свидетельство преступной натуры Наполеона: «Нероны и Тиберии также начинали с благих дел». Анонимный поэт не находит у императора ни одного достоинства, даже полководческого таланта: *О вы, солдаты, чья победа // Ещё идёт вслед за ним, // Разве он единственный, которого слава // Увенчала в сражениях? // Смог бы он украденными у вас успехами утратить вселенную, // Если бы под его началом не были французы? // Поймите же это наконец // И отвергните жестокого повелителя, // Который велик только благодаря вашим достижениям* [Philipriques, 1815, p. 12].

Такое однозначное неприятие выражается в штампованных негативных определениях, которыми изобилует пресса антинаполеоновской коалиции: император назван «чудовищем, рождённым для преступлений», «кровавым деспотом», «тираном» [Ibid., p. 8, 13, 15]. Не меняющийся на протяжении всех 220 строк эмоциональный тон «Филиппик...» кажется принадлежащим не живому голосу, а некоему механическому устройству, безразлично осуществляющему жанровую «программу». Автор, по всем признакам, сформировался как стихотворец в имперскую эпоху, для поэзии которой, особенно в ориентированных на общественный резонанс жанрах (ода), была характерна такая же выхолощенность непосредственного чувства, привычно подменяемого проверенными выражениями восхваления и порицания. Рассмотренный текст представляет собой образчик «низовой» продукции в наполеоновской теме.

К грубоватым инвективам примыкают такие произведения, в которых авторы только упоминают императора вскользь или подразумевают его, не называя прямо, — как одно из зол в истории Франции и в своей личной судьбе. В основном же такие тексты посвящены самооправданию авторов перед новой властью, поэтому, вполне понятно, свергнутый правитель в них не может трактоваться положительно. Процитированный выше М. А. Жюльен в одной из элегий признается, что в отрочестве приветствовал «зарю свободы», то есть революцию (автор родился в 1775 году), «мечтал о счастье для себя и Франции», затем ужаснулся якобинскому террору и ощутил себя при Наполеоне «иностраницем в собственной стране», причем настолько, что победы французской армии вызывали у него сожаление. Разумеется, виновником всех бед представлен Наполеон: *Я видел мою страну, ее законы, ее свободу, права наций, святую человечность, пожертвованные, проданные в угоду капризам одного правителя, которого*

Франция нехотя только что признала. Я видел, как низость узурпирует почести и подлый эгоизм (*le vil égoïsme*) заражает все сердца [Jullien, 1822, pp. 5—6].

Ещё один характерный пример «покаянного» произведения — стихотворение некоего А. П., «бывшего супрефекта, члена нескольких Академий, кавалера ордена Почётного легиона», то есть, судя по заслугам, человека, отмеченного имперской властью, но раскаивающегося в измене законной династии и живущего надеждой заслужить прощение Бурбонов. Не исключено, что пафос, с которым автор обращается к Людовику XVIII, раньше пропитывал адресации к Наполеону, который теперь уравнен с Нероном. Стихотворение-извинение не отличается оригинальностью, его содержание без малейшего ущерба для смысла и эстетического впечатления может быть изложено прозой: *...J'ai cru voir les Bourbons à la France étrangers; // J'ai quitté pour Néron, Titus et Marc-Aurèle; // Funeste aveuglément qui me fit infidèle...* (...Я верил, что Бурбоны чужды Франции; я оставил ради Нерона Тита и Марка Аврелия; гибельная слепота, которая меня сделала неверным...) [Le 21 Janvier..., 1816, p. 5].

В целом можно констатировать, что жанры, в которых имя Наполеона подвергается огульному поношению, не отмечены поэтическими удачами и являются стихотворными аналогами сатирической публицистики и карикатуристики того времени.

3. Произведения с двойственной трактовкой образа императора

На фоне текстов, подобных «Филиппикам...», выделяются неоднозначной трактовкой образа Наполеона произведения трёх крупнейших поэтов Реставрации — К. Делавиня, А. де Ламартина, В. Гюго. Одиннадцатая мессенская элегия К. Делавиня «К Наполеону» отличается прежде всего взвешенным отношением к герою. Надо вспомнить, что Делавинь начинал свое литературное поприще в последние годы империи и успел, в частности, отметить хвалебной одой в честь рождения сына Наполеона [Delavigne, 1863—1864, t. 4, pp. 199—203]. Он же фактически исполнил и «отходную» по государству Наполеона I и по самому императору, написав по горячим следам события оду «Ватерлоо» (1815 г.), в которой, отдав должное героизму солдат, упрекает монарха-полководца в поражении несколько перефразированным историческим выражением другого императора, Октавиана Августа, произнесенным после разгрома римлян германцами в Тевтобургском лесу: «Вар, верни наши легионы!» [Ibid., p. 12]. С учётом этих фактов очевидно, что позиция Делавиня не может быть однозначной.

С одной стороны, поэт воспроизводит расхожие обвинения в адрес императора, не впадая в совсем уж мелочную придирчивость (нефранцузское происхождение, незнатный род). Главным упреком Наполеону — и это характерно не только для «певца свободы» Делавиня, но для всей антинаполеоновской линии в поэзии — становится измена идеалам свободы: *Ты правил бы еще, если бы хотел. // Сын Свободы, ты свергнул с престола твою мать; // Вооружившись против ее прав эфемерным могуществом, // Ты поверил, что ее подавил, покончил с нею. // Но могила, вырытая для нее, // Поглощает рано или поздно абсолютного монарха: // Тиран падает или умирает; только она бессмертна* [Delavigne, 1824, p. 35].

С другой стороны, автор элегии испытывает более сложное, чем просто осуждение, чувство к еще недавно могущественному, а потом оставленному всеми повелителю. Здесь и уважение к поверженному величию, и сознание неизбежности такого конца, и понимание ничтожества любой славы, любого возвышения человека перед смертью и забвением: *Великий, как его крушение, лишенный трона, // Он и на обломках своей удачи держался прямо. // Оставив опустошенную Европу и опечаленную победу, // Переходя от ошибки к ошибке и от бури к буре, // Он пришел умирать на далёком камне, // О который разбилась его мощь. // Просторное море шепчет вокруг его гроба* [Ibid., p. 43]. Кроме того, в образе императора отчетливо обозначены притягательные — в духе времени — черты романтического героя, человека исключительной судьбы, заслуживающего почетительного внимания уже в силу своей незаурядности.

А. де Ламартин в стихотворении «Могила» перечисляет привычный набор характеристик императора, который «поразил подобно молнии» (*foudroyer*) мир лучами своей славы, «топтал трибунов и королей», «склонил под ярмо и заставил дрожать народ», но делает это автор в жанре унылой элегии, что значительно снижает остроту негативной аттестации героя, выдвигая на первый план традиционную для этого жанра тему смерти, разрушающей любую славу и уравнивающей выдающегося человека с «простыми людьми»: *Однако умер ты обыкновенной смертью (la mort du vulgaire)* [Lamartine, 1840, p. 34].

Стремление осмыслить личность Наполеона приводит к использованию в посвященной ему поэзии философской оды (до этого в пределах названной темы безраздельно господствовала ода торжественная, хвалебная). В. Гюго использует этот жанр в стихотворении «*Buonaparte*», чье название говорит о вполне определенном отрицательном отношении молодого роялиста к императору (в корсиканской огласовке фамилию

императора его недоброжелатели произносили, иронизируя; в почтительном варианте ода должна была бы называться «Napoléon» или «Napoléon Bonaparte»). Поэт все же отдает должное масштабу личности героя и даже, невольно, любит «тираном», называя его путь «блистательным» — «sa marche éclatante» (в устах тяготеющего к пафосности Гюго похвала очевидная и немалая): *Там, остывая как поток лавы, // Охраняемый побежденными им, прогнанный из мира, // Этот остаток тирана (ce reste d'un tyran), // Пробудившийся рабом, // Только и делал, что менял оковы. // Его шаги на острове колебали наши стены. // Высланный с полей сражений, // Он пережил самого себя. // Он умер. Когда эта весть дошла до наших городов, // Мир яростно выдохнул, // Освободившись от своего пленника... Так блистательный путь гордыни вводит в заблуждение...* [Hugo, 1822, p. 100].

В традициях философской оды создано заметное число текстов, в которых принято положительно изображать «Бонапарта» и негативно — «Наполеона». Такое разделение появилось в публицистике эпохи Реставрации и отражало настроения во французском обществе, часть которого, разочаровавшись в императоре, теперь находила причины национальной катастрофы в том, что Бонапарт — защитник «Франции и революции» — превратился в агрессора Наполеона, который «компрометировал и Францию, и революцию, ведя войны единственно ради своей военной славы» [Carrion-Nisas, 1821, p. 6]. В поэтической форме идея превращения Бонапарта в Наполеона принимает порой более эффектный вид, как в парадоксальных строках Э. Колена: *Étourdi par sa gloire, il tombe sur un trône, // Du haut de sa simplicité! (Оглушённый славой, он пал на трон // С высот своей простоты!)* [Colin, 1841, p. 11].

Кроме того, здесь же, в этой жанровой группе, отчасти вызревает и «реванш» проимператорской хвалебной поэзии, обновляются ее образные средства. Так, например, П. Ридер, выдвигая против Наполеона привычный ряд обвинений (в подавлении свободы и т. п.), говорит о начале его государственной деятельности в тоне, до которого не «воспаряли» и одописцы имперской эпохи: *Il apparaît si grand, qu'il semble le Messie! (Он казался столь великим, что напоминал Мессию!)* [Riderr, 1840, p. 100].

4. Повторный культ Наполеона в поэзии

Наконец, рассмотрим третью группу произведений, авторы которых возвращаются к забытому, казалось бы, стилю возвеличивания покойного императора. Количество таких текстов начинает увеличиваться со второй половины 1820-х годов. Трудность, стоявшая перед поэтами

в воплощении такого аспекта темы, очевидна: здесь легко было впасть в перепев мотивов одических величаний времен империи. Многие не избежали этой участи, даже бесспорные таланты (Ж. де Нерваль, «*La victoire*» [Nerval, 1827, p. 19—21]). Чтобы показать, как можно по-своему подать традиционную тему, ограничимся примером из В. Гюго. Тяготевший к грандиозным образам, поэт неминуемо должен был прийти к переоценке личности Наполеона — хотя бы по эстетическим пристрастиям, поскольку вернувшие себе власть Бурбоны (и Людовик XVIII, и Карл X) личностным масштабом уступали прежнему правителю, казались, «в сравнении с прославленным выскочкой, более блёклыми и жалкими» [Lenient, 1894, t. 2, p. 274]. В 1830 году поэт пишет оду «К колонне», вызванную дебатами в Палате депутатов о перезахоронении праха императора под Вандомской колонной (останки Наполеона намеревались вернуть во Францию с острова Святой Елены). Стихотворение «было встречено аплодисментами во всех оппозиционных власти газетах» [Nettement, 1853, t. 2, p. 394]. Поэту необходимо было соблюсти некоторый стандарт в обрисовке Наполеона, и он привычно сравнивает его с Александром Македонским и Гаем Юлием Цезарем, перечисляет образы и географические пункты, связанные исключительно с победами полководца (пирамиды, Нил, Рейн, Тибр, Аустерлиц, Эйлау, Ваграм, Маренго и т. д.), говорит, вызывая ассоциации с «богом войны», о том, что под «громовыми шагами» императора «склонились Альпы». Всё это вызывает отчасти ассоциации с трудноисчислимым количеством произведений имперской эпохи, прославляющих гений Наполеона.

Оригинальность Гюго проявляется там, где он отходит от манеры имперских поэтов говорить о величии с непрямым пафосом, который своими повторяющимися формами проявления производит впечатление застывшего. Пафосность, даже определяемая исследователями как «мессианская и пророческая» [Brophy, 2006, p. 209], была присуща и самому Гюго, но он обладал и способностью изображать величественное через повседневное, простое. Приведем пример. Как известно, в оформлении Вандомской колонны использована бронза русских и австрийских пушек — трофеев Аустерлица; инициировавший возведение монумента Наполеон следил за ходом работ. В изображении Гюго император, с одной стороны, предстает неодолимым сказочным героем, которому ничего не стоит одержать между делом очередную победу, а с другой — рачительным хозяином, азартно пекущимся о пользе дела. В результате — «оживление» помпезно холодного образа Наполеона, лишённого ампирной поэтической традицией даже естественной человеческой

пластики (по крайней мере, суеящимся у плавильных печей Бонапарта никто не показывал): *И он, толкнув ногой весь этот звонкий металл, // Устремлялся к чану, где выплавлялся // Будущий памятник, // Форма которого воплощала одну из его идей. // И он бросал в горящую печь // Вражеские орудия охупками (à brassées)! // Затем он отправлялся выиграть какое-нибудь сражение; // Разбирал на металлолом // Множество разбитых лафетов и, // Привозя эту бронзу во французский Рим (то есть в Париж. — В. П.), // Говорил литейщикам, склоненным над печью: // «Вам хватит этого?»* [Hugo, 1869—1870, t. 4, p. 27—28].

Поэт пытается снять основные противоречия, связанные с императором: обязанный своим взлетом революции, на знаменах которой было написано «Liberté», Наполеон стал врагом свободы как во Франции, так и в завоеванных странах («astre fatal... à la liberté» — «губительная для свободы звезда», по К. Делавиню [Delavigne, 1824, p. 33]), его слава оплачена многочисленными жизнями соотечественников. Гюго обращает оба упрека в достоинства, не прибегая к фактам и логике, а используя эффект отточенных строк, своеобразных поэтических аксиом: *La France, guerrière et paisible, // A deux filles du même sang: // L'une fait l'armée invincible, // L'autre fait le peuple puissant* (Франция, воинственная и мирная, имеет двух дочерей сходной природы: одна создает непобедимую армию, другая — могучий народ) [Hugo, 1869—1870, t. 4, p. 32].

«Две дочери», служащие опорой Франции, — Слава и Свобода. Если созданный Гюго образ очень далек от оригинала, то объект его психологического воздействия определен поэтом очень точно: в национальном сознании французов после революции было непоколебимо убеждение в том, что их родина одновременно является и отчизной Свободы, к этому присоединялась привычка к славе — культурной и военной, которую не искоренили даже крушение империи и последовавшие затем годы утраты французского влияния в Европе. Этим психологическим феноменом, а не только личностью Наполеона объясняется вторичный культ императора во французской поэзии.

5. Заключение

Наблюдение за поэтическими произведениями «наполеоновской темы» 1810—1840-х годов позволяет заключить, что созданный в них образ императора хотя и расходится во многих чертах с реальным Бонапартом, но в целом не противоречит ему, потому что большая часть этих текстов создана в регистре философско-элегическом, исключающем как пустое превозношение, так и резкое осуждение. Многие черты по-

этического образа Наполеона оказались устойчивыми благодаря удачным стилизованным приемам названной жанровой группы и вошли в состав «наполеоновского мифа», до сих пор имеющего влияние на национальное сознание соотечественников Бонапарта, большинство из которых избегает однозначной оценки личности императора, признавая за ним великие свершения и столь же крупные провалы [Сеари и др., 2013, с. 35—46].

Литература

1. *Сеари Ж.* Образ Наполеона во Франции / Ж. Сеари, В. Шервашидзе // Слово. ру : Балтийский акцент. — 2013. — № 1. — С. 35—46.
2. *Arlincourt Ch.-V.-P. d'.* Une matinée de Charlemagne, fragmens tirés dun poème épique qui ne tardera point à paraître / Ch.-V.-P. d'Arlincourt. — Paris : Chaigneau aîné, 1810. — 12 p.
3. *Baudouin J.-Ch. de.* Stances sur les victories de Napoléon / J.-Ch. de Baudouin. — Paris : Orizet et Beury, 1804. — 24 p.
4. *Brophy M.* Sens et presence du sujet poétique : la poésie de la France et du monde francophone depuis 1980 / M. Brophy. — Amsterdam ; New York : Rodopi, 2006. — 368 p.
5. *Carrion-Nisas A.-F.-V.-H.* Bonaparte et Napoléon, parallèle / A.-F.-V.-H. Carrion-Nisas. — Paris : Bosquet, 1821. — 7 p.
6. *Chassé Ch.* Napoléon par les écrivains / Ch. Chassé. — Paris : Hachette, 1921. — 263 p.
7. *Chateaubriand F.-R. de.* Mémoires d'outre-tombe : 4 t. / F.-R. de Chateaubriand. — Paris : Librairie Garnier frères ; Nendeln / Lichtenstein : Kraus reprint, 1975. — T. IV. — 520 p.
8. *Colin É.* Bonaparte et Napoléon / É. Colin. — Paris : Breteau et Pichery, 1841. — 16 p.
9. *Dechamps J.* Sur la légende de Napoléon / J. Dechamps. — Paris : Champion, 1931. — 276 p.
10. *Delavigne C.* A Napoléon / C. Delavigne // Trois messéniennes nouvelles. — Paris : Ladvocat ; J.-N. Barba, 1824. — Pp. 33—43.
11. *Delavigne C.* Dithyrambe sur la Naissance du roi de Rome / C. Delavigne // Oeuvres complètes : 5 parties en 4 vol. — Paris : Didier, 1863—1864. — T. 4. — Pp. 199—203.
12. *Delavigne C.* La bataille de Waterloo / C. Delavigne // Oeuvres complètes : 5 parties en 4 vol. — Paris : Didier, 1863—1864. — T. 4. — Pp. 11—15.
13. *Descotes M.* La légende de Napoléon et les écrivains français du XIX siècle / M. Descotes. — Paris : Lettres modernes ; Minard, 1967. — 281 p.
14. *Facon P.* Le Napoléon des écrivains / P. Facon, R. Grimaud, F. Pernot. — Paris : Atlas, 2005. — 129 p.
15. *Frassinetti H.* Napoléon le Grand : poème héroïque / H. Frassinetti. — Paris : Aubry, 1806. — 8 p.

16. *Hugo V. A la Colonne / V. Hugo // Oeuvre poétique : 10 vol.* — Paris : J. Hetzel, 1869—1870. — T. 4. — Pp. 26—37.
17. *Hugo V. Buonaparte. Ode dixième / V. Hugo // Odes et poésies diverses.* — Paris : Pélicier, 1822. — Pp. 93—101.
18. *Jullien M.-A. Les rêves de ma vie ou Mes souvenirs, élégie / M.-A. Jullien.* — S. l., impr. de A. Bailleul, 1822. — 8 p.
19. *Lagarde A. La littérature française : 3 vol. / A. Lagarde, L. Michard.* — Paris : Bordas-Laffont, 1970. — T. 2. — 640 p.
20. *Lamartine A. de. Le tombeau / A. de Lamartine // Couronne poétique de Napoléon, précédée d'une Notice sur l'île Sainte-Hélène; suivie d'un Tableau chronologique de la vie de Napoléon.* — Paris : Vassal, 1840. — Pp. 33—34.
21. *Lenient Ch. La poésie patriotique en France dans les temps modernes : 2 vol. / Ch. Lenient* — Paris : Hachette et Cie, 1894. — T. 2. — 492 p.
22. *Le 21 Janvier 1816, élégie héroïque... par A. P. / A. P.* — Paris : Latour, 1816. — 16 p.
23. *Napoléon dans la littérature / textes choisis et présentés par C. Bénardeau.* — Paris : Nouveau monde, 2004. — 420 p.
24. *Nerval G. de. La Victoire / G. de. Nerval // La France guerrière : élégies nationales.* — Paris : Touquet, 1827. — Pp. 13—21.
25. *Nettement A. Histoire de la littérature française sous la Restauration : 2 vol. / A. Nettement.* — Paris : J. Lecoffre, 1853. — T. 2. — 502 p.
26. *Philippiques à Napoléon.* — Paris : Les marchands de nouveautés, 1815. — 29 p.
27. *Riderr P. Le grand ouvrier / P. Riderr // Couronne poétique de Napoléon : hommage de la poésie à la gloire.* — Paris : Amyot, 1840. — Pp. 96—115.

“Napoleon Theme” in French Poetry of 1810—1840-ies: Attitudes, Genres, Motives

© Pinkovsky Vitaliy Ivanovich (2018), orcid.org/0000-0002-8699-3570, Doctor of Philology, professor, Department of Russian Philology and Journalism, North-Eastern State University (Magadan, Russia), alennart@mail.ru.

The works devoted to Napoleon I, as well as the works of French poetry, created in the era of Restoration and subsequent decades (up to the middle of the 19th century), which touched upon his personality, are considered. Along with the analysis of the image of the Emperor, special attention is paid to the poetics of the “Napoleonic theme” texts which has not yet been studied within the boundaries of the declared theme. The author of the article pursues two goals: firstly, he observes and describes how French poetry coped with the task of free understanding of Napoleon I's personality (in the Imperial era there was an ideological task in describing the Emperor), and secondly, he shows that the poetological parameters, regardless of the author's aspirations, have a partial influence on the existing in the national consciousness ideas about the ruler of the First Empire. It is

noted that a deliberate (ambivalent) assessment of the activities of Napoleon was carried out within the boundaries of elegiac-odic discourse, and the first of these elements was represented mainly by a sad elegy, and in the odic part the preference was given to such genre as philosophical ode. The most representative texts of the theme belonging both to the greatest poets of the era (Casimir Delavigne, Alphonse de Lamartine, Victor Hugo) and little-known poets, including anonymous ones, are presented.

Key words: French poetry of 1810—1840-ies; poetic genres of “Napoleon theme”; ode of praise; philosophical ode; sad elegy; philippic.

References

- Arlincourt, Ch.-V.-P. d'. (1810). *Une matinée de Charlemagne, fragmens tirés d'un poème épique qui ne tardera point à paraître*. Paris: Chaaigneau aîné. (In Fran.).
- Baudouin, J.-Ch. de (1804). *Stances sur les victoires de Napoléon*. Paris: Orizet et Beury. (In Fran.).
- Brophy, M. (2006). *Sens et presence du sujet poétique: la poésie de la France et du monde francophone depuis 1980*. Amsterdam; New York: Rodopi. (In Fran.).
- Carrión-Nisas, A.-F.-V.-H. (1821). *Bonaparte et Napoléon, parallèle*. Paris: Bosquet. (In Fran.).
- Chassé, Ch. (1921). *Napoléon par les écrivains*. Paris: Hachette. (In Fran.).
- Chateaubriand, F.-R.de. (1975). *Mémoires d'outre-tombe: 4 t., IV*. Paris: Librairie Garnier frères; Nendeln / Lichtenstein: Kraus reprint. (In Fran.).
- Colin, É. (1841). *Bonaparte et Napoléon*. Paris: Breteau et Pichery. (In Fran.).
- Dechamps, J. (1931). *Sur la légende de Napoléon*. Paris: Champion. (In Fran.).
- Delavigne, C. (1824). A Napoléon. In: *Trois messéniennes nouvelles*. Paris: Ladvocat; J.-N. Barba. 33—43. (In Fran.).
- Delavigne, C. (1863—1864). Dithyrambe sur la Naissance du roi de Rome. In: *Oeuvres complètes: 5 parties en 4 vol., 4*. Paris: Didier. 199—203. (In Fran.).
- Delavigne, C. (1863—1864). La bataille de Waterloo. In: *Oeuvres complètes: 5 parties en 4 vol., 4*. Paris: Didier. 11—15. (In Fran.).
- Descotes, M. (1967). *La légende de Napoléon et les écrivains français du XIX siècle*. Paris: Lettres modernes; Minard. (In Fran.).
- Facon, P., Grimaud, R., Pernot, F. (2005). *Le Napoléon des écrivains*. Paris: Atlas. (In Fran.).
- Frassinetti, H. (1806). *Napoléon le Grand: poème héroïque*. Paris: Aubry. (In Fran.).
- Hugo, V. (1822). Buonaparte. Ode dixième. In: *Odes et poésies diverses*. Paris: Pélicier. 93—101. (In Fran.).
- Hugo, V. (1869—1870). A la Colonne. In: *Oeuvre poétique: 10 vol., 4*. Paris: J. Hetzel. 26—37. (In Fran.).
- Jullien, M.-A. (1822). *Les rêves de ma vie ou Mes souvenirs, élégie*. S. l., impr. de A. Bailleur. (In Fran.).
- Lagarde, A., Michard, L. (1970). *La littérature française: 3 vol., 2*. Paris: Bordas-Lafont. (In Fran.).
- Lamartine, A. de. (1840). *Le tombeau*. In: *Couronne poétique de Napoléon, précédée d'une Notice sur l'île Sainte-Hélène; suivie d'un Tableau chronologique de la vie de Napoléon*. Paris: Vassal. 33—34. (In Fran.).

- Lenient, Ch. (1894). *La poésie patriotique en France dans les temps modernes: 2 vol., 2.*
Lenient — Paris: Hachette et Cie. (In Fran.).
- Le 21 Janvier 1816, élégie héroïque...par A. P.* (1816). A. P. — Paris: Latour. (In Fran.)
- Napoléon dans la littérature / textes choisis et présentés par C. Bénardeau* (2004). Paris:
Nouveau monde. (In Fran.).
- Nerval, G. de. (1827). La Victoire. In: *La France guerrière: élégies nationales*. Paris:
Touquet. 13—21. (In Fran.).
- Nettement, A. (1853). *Histoire de la littérature française sous la Restauration: 2 vol., 2.*
Paris: J. Lecoffre. (In Fran.).
- Philippiques à Napoléon* (1815). Paris: Les marchands de nouveautés. (In Fran.).
- Riderr, P. (1840). Le grand ouvrier. In: *Couronne poétique de Napoléon: hommage de la*
poésie à la gloire. Paris: Amyot. 96—115. (In Fran.).
- Seari, Zh., Shervashidze, V. (2013). Obraz Napoleona vo Frantsii. *Slovo.ru: Baltiyskiy*
aktsent, 1: 35—46. (In Russ.).